

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Никонова С.И.

ФГБОУ ВПО Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань, Россия (420021, Казань, ул. Зеленая, 1), e-mail: info@kgasu.ru

В статье освещаются отдельные аспекты трансформации партийно-государственной политики в области идеологии в 1960-1980-е гг. Автор рассматривает попытки коррекции идеологической константы как стремление коммунистической элиты сохранить систему, однако без учета реалий времени эти попытки были обречены на провал. Программа КПСС (1961 г.), Моральный кодекс строителя коммунизма, концепция развитого социалистического общества и другие идеологические программы не находили поддержки в обществе, принимались советскими людьми формально. Основой официальной идеологии оставался марксизм-ленинизм, априори считавшийся не только самым передовым учением, но и единственно верным. Ведущие идеологи страны, ее политические лидеры так и не смогли корректно «поправить» марксизм-ленинизм, приспособить его постулаты к новым реалиям. Более того, власть была уверена в незыблемости официальной идеологии и недооценила кризис советского общества, в большей мере связанный как раз с идеологической сферой. Нежелание и невозможность власти скорректировать идеологическую парадигму привели к краху социалистической идеологии и, в конечном итоге, к крушению СССР и социалистической системы.

Ключевые слова: диссидентство, идеологическая парадигма, кризис идеологии,

TRANSFORMATION OF THE IDEOLOGICAL PARADIGM IN THE LAST DECADE OF SOVIET POWER

Nikonova S.I.

Kazan State University of Architecture and Building Construction, 420043, Kazan, Russia, Zelenaja Str. 1, e-mail: info@kgasu.ru

The article highlights some aspects of the transformation of governmental policy in the field of ideology in the 1960-1980 -ies. The author considers the attempts to correct ideological constants as a desire to preserve the system of the communist elite, but excluding the realities of the time, these attempts were doomed to failure. Program of the CPSU (1961), The Moral Code of the Builder of Communism, the concept of a developed socialist society and other ideological programs were not supported in the community, the Soviet people formally accepted. The basis was the official ideology of Marxism-Leninism, and it was considered not only the most advanced teaching, but only true. Leading ideologues of the country, its political leaders have failed to properly "correct" Marxism-Leninism, to adapt it to new realities postulates. Moreover, the government was confident in the inviolability of the official ideology and underestimated the crisis of Soviet society, increasingly associated just with the ideological sphere. Unwillingness and inability to adjust the power of the ideological paradigm led to the collapse of the socialist ideology, and ultimately to the collapse of the USSR and the socialist system.

Keywords: dissidence, ideological paradigm, the crisis of ideology

Главное событие послевоенного периода истории – гибель СССР, крах социалистической системы. Причины распада Советского Союза, крушение его государственности весьма разнообразны и, по нашему мнению, разноплановы. Мы выделили одну – разрушение идеологической основы строя, крах советской идеологии, которые, на наш взгляд, и вызвали необратимые явления, привели к гибели советской цивилизации.

В России исторически государство выступает становым хребтом, подменяя собой гражданское общество, таким образом, власть, общественный строй, идеология детерминируют направление развития любой сферы.

Идеологическая парадигма являлась основой советского строя и советского менталитета, несущей конструкцией государственности. В последние советские десятилетия (1960-1980-е гг.) можно отметить некую трансформацию советской идеологической системы. Советское общество эволюционирует: трансформируется социальная структура, повышается образовательный уровень, культурные потребности советских граждан, среди источников информации на первые позиции выдвигается телевидение, появились альтернативные источники информации, что сделало манипулирование массовым сознанием довольно затруднительным. Принимая во внимание тезис о функционировании советской идеологии как технологии манипулирования общественным сознанием можно предположить, что насущной задачей правящей партии должно было стать моделирование идеологической стратегии, гуманитарный поиск. Однако этого не произошло, более того, партия посредством традиционных инструментов пытается поддержать в обществе устаревшие, непопулярные идеи и теории.

Идеологическая элита делает попытки найти новые ориентиры для советского государства. И первой попыткой, по нашему мнению, стала разработка Программы КПСС и создание Морального кодекса строителя коммунизма, принятые на XXII съезде КПСС (1962 г.).

Ф. Бурлацкий, один из авторов, вспоминает, что по заданию Н.С. Хрущева они должны были «родить» этот документ в течение трех часов: «И мы стали фантазировать. Один говорит «мир», другой – «свобода», третий – «солидарность»... Я сказал, что нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда всё действительно «ляжет» на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов.

Буквально часа за полтора мы сочинили такой текст, который в Президиуме ЦК прошел на «ура» [5]. Эта легкость, в какой-то степени фрондерство, творческий порыв группы консультантов ЦК, работающих над текстом новой редакции Программы КПСС в «тяжелое утро» после «крепкой вечерней пьянки», по меньшей мере, неуместны при составлении серьезного документа.

Новая Программа КПСС – программа построения коммунизма была обращена не столько к разуму, сколько к чувствам людей. Действительно, несмотря на романтизм и даже идеализм некоторых положений, программа не могла не вызывать у людей одобрение; три ее цели: построение материально-технической базы, создание новых производственных отношений, воспитание нового человека – не могли не устраивать общество. И этот романтизм, идеалистическая вера в улучшение качества жизни, в призрачную свободу

личности свидетельствует о романтизме в настроениях советского общества, который существовал, возможно, до начала 1970-х годов.

Далее романтизм и идеализм окончательно сменяется прагматизмом, другие настроения рождаются в обществе, а наивная вера в партийные обещания уступает место вполне реальным ориентирам собственного благополучия. Вот потому следующая масштабная идеологическая кампания партийных органов – разработка и внедрение концепции развитого или зрелого социализма не вызывает и не может вызвать в обществе душевного отклика, ее «поддерживают и одобряют» механически, выполняя определенные нормы существования человека в социалистическом обществе.

Не так просто, по нашему мнению, найти определение типа государства и общества для СССР в его последние десятилетия. В этой связи несомненный интерес представляет определение советского государства как идеократического. Так, Н.Н. Алексеев [1] определял идеократию как «подчинение социальной жизни конкретному идеалу, естественному «телосу», вытекающему из культуры, религии и духа нации и государства, остающимся постоянным, несмотря на политические, идеологические, этнические и даже религиозные катаклизмы». В какой-то степени это определение можно принять для идентификации советского строя.

Социальная и духовная комфортность большинства советских людей традиционно держалась на осознании богатой духовной жизни, активном участии в масштабных преобразованиях общества, чувстве социального равноправия, ощущении слитности с делами общества. Высокая оценка своего государства, его места в мире, ощущение простоты, ясности и предсказуемости мира, стабильность – все это создавало для большинства ощущение духовного и социального комфорта. Эта вера подкреплялась и реалиями советской действительности: социальными гарантиями, стабильной зарплатой, целым рядом социальных благ (бесплатное образование, медицинское обслуживание, низкий уровень оплаты за жилищные и прочие социальные услуги и т.д.). Казалось, само существование СССР в течение нескольких десятилетий – лучшее подтверждение коммунистической теории.

Основой официальной идеологии оставался марксизм-ленинизм, априори считавшийся не только самым передовым учением, но и единственно верным. Ведущие идеологи страны, ее политические лидеры так и не смогли корректно «поправить» марксизм-ленинизм, приспособить его постулаты к новым реалиям. Более того, власть была уверена в незыблемости официальной идеологии и недооценила кризис советского общества, в большей мере связанный как раз с идеологической сферой.

Власть вынуждена была считаться с теми изменениями, которые произошли в общественном сознании, учитывать международную обстановку. Однако нетерпимость к свободомыслию оставалась прежней, не допускалась критика властей, сфера применения и варианты репрессий даже несколько расширилась. Говоря об эрозии идеологической системы, мы имеем в виду, в том числе и появление духовной оппозиции, особенно ярко представленной диссидентами, которые по-своему трактовали постулаты марксистско-ленинской теории. Одни (например, Рой Медведев) призывали избавиться от сталинских деформаций социализма, добиваться демократизации советской системы. Другие отстаивали тезис о несостоятельности марксистско-ленинской теории, о ее обреченности. Так, А.И. Солженицын отмечает: «Марксизм не только не точен, не только не наука, не только не предсказал ни единого события в цифрах, количествах, темпах или местах, ...но поражает марксизм своей экономико-механической грубостью в попытках объяснить тончайшее человеческое существо и еще более сложное миллионное сочетание людей – общество»[4].

И. Шафаревич представляет свои взгляды как идеологию национально-православного движения в книгах, изданных за рубежом: «Русофобия», «Социализм в мировой истории», «Есть ли у России будущее?». И. Шафаревич достаточно откровенно высказывается в интервью западному журналисту в мае 1978 г. На вопрос, к какой общественной и политической альтернативе нынешней системы он склоняется, он ответил: «Что нам нужно – это максимум духовных изменений при минимуме изменений внешних...Нужен возврат к Богу, к своему народу, ощущение общенациональных целей и чувство ответственности перед историей и будущим своей страны» [6]. К сожалению, теоретики диссидентства, по существу, так и не смогли сформулировать национальную идею, поиск которой беспокоил не только инакомыслящих, но и «вменяемых» идеологических лидеров страны.

В 1960-80-е гг. в борьбе за чистоту идеологического пространства на первое место выходит Комитет государственной безопасности и берет на себя не характерные для подобной структуры функции: это не только политическая полиция, но и аналитический центр, научно-исследовательский институт. КГБ обладает самой достоверной информацией о положении в стране и весьма неохотно делится с ней даже с высшим партийным руководством.

Пытаясь сохранить приоритет идеологии в жизни общества, власть ищет новые формы пропаганды. Так, на XXVI съезде (1981 г.) впервые прозвучали слова о *перестройке* многих сфер и участков идеологической работы, что свидетельствует об определенных коррекционных попытках, была использована и новая терминология. Текст Отчетного доклада существенно отличается от документов предыдущих съездов, он менее формален[2]. Однако ортодоксы идеологии не желают принимать во внимание изменившуюся обстановку

как внутри общества, так и в мире. В результате перемены происходят слишком поздно, когда время упущено. В немалой степени это относится к программным установкам правящей партии – КПСС.

На XXVI съезде партии было принято решение подготовить важнейший партийный документ – новую редакцию Программы КПСС, которая была утверждена на XXVII съезде партии в 1986 году. Однако и этот документ был разработан партийными идеологами по традиционным шаблонам с использованием привычных штампов. Отсюда предопределенность какой-то ненужности, даже обреченности. Этот налет обреченности, впрочем, лежит на документах и XXVI, и XXVII съездов КПСС.

Большинство решений XXVII съезда не были выполнены. Более того, скоро жизнь доказала полную несостоятельность идеологии, неспособность власти управлять обществом и государством: тотальный дефицит, продовольственные карточки, пустые прилавки, убийства в очередях за водкой стали реальностью. Конституционные права на труд, бесплатное здравоохранение, образование, социальное обеспечение в старости не могли в полной мере быть гарантированы государством.

Международная политика партии также оказалось несостоятельной. Рухнула мировая система социализма, прекратили свое существование СЭВ и Организация стран Варшавского договора, бывшие социалистические страны (а позже и бывшие советские республики), устремились в НАТО.

И, наконец, самое важное событие – прекратил существование Советский Союз. Тяжелейшие испытания предстояло вынести советскому народу после распада СССР. Декларированная многие десятилетия дружба народов, интернационализм обернулись этническими войнами, неразрешимыми противоречиями между недавно еще «братскими народами». Звучавшие на XXVII съезде слова об интернационализме, о дружбе народов, о гармонии в межнациональных отношениях через несколько лет воспринимаются как миф, как «то, чего не было».

А что же было? Был стремительно меняющийся мир и люди в этом мире, менялось советское общество: возрос интеллектуальный, культурный и образовательный уровень граждан СССР.

Были серьезные проблемы в сфере удовлетворения возросших материальных и духовных потребностей разных социальных групп общества. Власть обвиняла народ в «мещанстве», потребительской психологии, подверженности «культу вещей» и т.п. Власть пыталась подавить, в том числе и идейными методами, стремление людей к достойным условиям жизни, которые государство не в состоянии было обеспечить. В стране существовал стойкий дефицит многих необходимых для человека вещей и услуг: квартир,

автомобилей, одежды, обуви, продуктов питания, книг, качественных бытовых, медицинских услуг и т.д.

Существуют многочисленные документы – письма граждан в высокие инстанции с жалобами на отсутствие продуктов первой необходимости, включая хлеб.

«Хлеб не завозят по 4 дня...Дети редко видят белый хлеб, булки... Нет в продаже муки...» – пишут из Костромской области.

«Для обеспечения бесперебойной трехсменной работы на хлебозаводах власти вынуждены привлекать рабочих и служащих с других предприятий, отсюда низкое качество» – сигнал из Оренбурга.

«Хлеб доставляют по железной дороге из соседнего района. В результате – большие очереди, скандалы. Для наведения порядка вызывают дружинников» – из Читинской области.

Из отдельных республик и областей наряду с «сигналами о перебоях в торговле хлебом и некоторыми другими продуктами массового спроса поступали жалобы на случаи перебоев в торговле солью и столовым уксусом» [3]. И это в мирное время!

Власть констатирует, но не исправляет ситуацию, единственный реальный выход – введение карточек и талонов на товары массового спроса, что стало распространенным явлением в 1980-е гг.

Легкая и пищевая промышленность, производство товаров народного потребления, строительная индустрия, сфера обслуживания и культуры не справлялись с новыми требованиями, не успевали за возросшим уровнем потребностей общества. В какой-то степени растущие потребности советских людей удовлетворял частный сектор и «теневая экономика», различные «подпольные цехи».

Показательно, на наш взгляд, распространение такого явления как коррупция во всех эшелонах власти, в силовых структурах. Судебные процессы, где обвиняемыми выступают директора крупнейших магазинов, чиновники, выявляют, в том числе и сложившую коррупционную систему, которая включает высших должностных лиц министерств и ведомств, советских и партийных органов.

Асоциальные, преступные явления в жизни советского общества, связанные с изменой, коррупцией, казнокрадством, принимавшие все более масштабные формы, безусловно, свидетельствуют об эрозии идеологической основы, о серьезных проблемах во всех сферах государственной системы, о недовольстве людей.

Недовольство проявлялось в нарушении производственной и трудовой дисциплины, в халатном отношении к выполнению своих обязанностей на предприятиях и в учреждениях. Советские граждане желали выезжать за границу, публично говорить о том, что волнует.

Творческая интеллигенция не желала мириться с тем, что произведения литературы могли быть не опубликованы по идейному содержанию, картины могли не допустить в выставочные залы, спектакли – к зрителю, снятые кинофильмы отправить «на полку», песни – не включить в концертную программу и т.д.

Властные структуры жестко пресекали инакомыслие, особые меры применялись против разного рода диссидентов: аресты, лишение свободы, направление на принудительное лечение в психиатрические клиники, дискредитация в средствах массовой информации, лишение советского гражданства, изгнание из страны. Акции диссидентов, шумиха вокруг них в западной печати и на радио, вызывали не страх, а скорее, раздражение и досаду у властных структур. Они видели в нарождающейся оппозиции угрозу существования идеологической основы государства. В то же время противопоставить что-либо новым общественным идеям и настроениям, кардинальные изменения в идеологической парадигме советского общества были невозможны: это повлекло бы разрушение всей идеологической конструкции. Попытки власти остановить процесс разрушения мировоззренческого единства общества, идеологической константы остаются безуспешными, что свидетельствует о «выработке ресурса» социалистической идеологии.

Появление новых явлений в жизни советского общества, преодоление им идеологического единообразия указывают, что в изменившихся условиях сохранить неизменной идеологическую парадигму вряд ли возможно. Идеологические органы и активно участвующие в поддержании идеологического единства органы госбезопасности, несмотря на весь спектр силовых мер, не могли больше поддерживать состояние идеологического единства: национальная идея размывается, становится все менее отчетливой и ясной. Разрушение идеологического единства приводит не только к появлению диссидентства, но и к «разложению» высших эшелонов власти: коррупция, взятки, предательство охватывает самые высокие сферы.

Властная элита, возможно, осознает, что кризисные явления (все более отчетливые) связаны, в важной степени, с кризисом идеологии. Главное направление развития советского общества (не только декларированное, но для многих, для большинства – реальное) – поступательное движение к светлому будущему, теряет свою актуальность. Потеря прежнего ориентира – строительства коммунизма, его подмена на расплывчатую цель – создание развитого социалистического общества, люди интуитивно связывают с размыванием идеологической парадигмы, которая для идеократического государства в течение десятилетий была основой конструкции.

На определенном этапе развития идеократическое государство утратило идеологическую константу, которая на протяжении десятилетий была основой конструкции, своеобразным

материковым шельфом. В итоге – крах советской государственности и социалистической идеологии.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев. – М.: Аграф, 1998. – С. 14-15.
2. Материалы XXIV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1971. – 270 с.
3. Российский Государственный Архив Новейшей Истории. Ф. 89. Пер. 43. Док. 58.
4. Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза, 5 сент. 1973 года / А. И. Солженицын. – Париж: Пресс, 1974. – С. 37.
5. Судьба дала мне шанс. Беседа с Ф.М. Бурлацким // Российский адвокат. – 2007. - № 5. – С. 12-13.
6. Шафаревич И.Р.: Соч. в 3 т. – М.: Феникс, 1994. – Т. 2. – С. 88-89.

Рецензенты:

Иванов А.А., д.и.н., доцент, профессор кафедры истории и культурологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета, г. Казань.

Гайденко П.И., д.и.н., доцент, доцент кафедры истории и культурологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета, г. Казань.